

Евгений Будде

**Опыт грамматики языка А.С.
Пушкина. Часть 1.
Этимология. Отдел 1.
Словоизменение. Выпуск 1.
Склонение имен
существительных**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Е14

Е14 **Евгений Будде**
Опыт грамматики языка А.С. Пушкина. Часть 1. Этимология. Отдел 1. Словоизменение. Выпуск 1. Склонение имен существительных / Евгений Будде – М.: Книга по Требованию, 2021. – 154 с.

ISBN 978-5-458-55468-8

ISBN 978-5-458-55468-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе ко всему изданію Грамматики.

Цѣль предлагаемой вниманію читателей книги заключается въ томъ, чтобы, во-первыхъ, собрать матеріалъ для исторіи русскаго литературнаго языка, заключающійся въ сочиненіяхъ нашего первокласснаго поэта Пушкина, и опредѣлить степень участія Пушкина въ установленіи нашего литературнаго языка съ точки зрѣнія его состава, т. е. морфологіи, синтаксиса и лексикологіи. Эта цѣль—научная, а потому и матеріалъ, служащій для этой цѣли, предлагается въ такомъ обозрѣніи, которое расположено примѣнительно къ научнымъ цѣлямъ: весь матеріалъ по языку Пушкинскихъ произведеній обработанъ въ видѣ научно составленной грамматики, по которой удобно всегда навести справку относительно словоизмѣненія или словосочетанія, бывшихъ въ употребленіи Пушкина и у его современниковъ. Во-вторыхъ, настоящимъ трудомъ преслѣдовалась и цѣль практически-педагогическая: дать грамматику такого языка, который въ общемъ до сихъ поръ еще не потерялъ своего права на литературное употребленіе и до сихъ поръ еще можетъ считаться языкомъ художественной русской литературы. Съ этою цѣлью «Грамматика языка Пушкина», какъ грамматика языка образцоваго нашего писателя, съ котораго начинается наша беллетристика на художественномъ русскомъ языкѣ, должна служить для средней нашей школы критеріемъ при рѣшеніи вопроса о языкѣ ученическихъ работъ и при установленіи опредѣленныхъ требованій отъ преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ школахъ. Правда, что самъ Пушкинъ невысокаго мнѣнія о своей

прозѣ, что русская проза далеко шагнула впередъ послѣ Пушкина въ сочиненіяхъ Тургенева, но зато, рядомъ съ художественной прозой Тургенева, мы имѣемъ въ сравнительно позднѣйшее время образцы такой прозы у современнаго намъ крупнѣйшаго писателя — гр. Л. Н. Толстого, которая стоитъ нѣсколько не выше прозы Пушкина и гораздо ниже прозы Тургенева. А потому мы еще до сихъ поръ не имѣемъ серьезныхъ основаній признавать за языкомъ Пушкина лишь историческое значеніе и ставить въ вину ученикамъ нашего времени то обстоятельство, если языкъ ихъ письменныхъ работъ будетъ подражать Пушкинскому языку.

Въ громадной массѣ случаевъ мы до сихъ поръ еще можемъ говорить: «если такъ написалъ Пушкинъ, то, значить, позволено писать и намъ», несмотря на то, что насъ отдѣляетъ отъ Пушкина чуть не столѣтіе: такъ далеко впередъ шагнулъ русскій языкъ литературы подъ перомъ Пушкина и такъ глубоко и далеко захватилъ онъ границы своего развитія; съ другой стороны, такъ мало и медленно, оказывается, могъ продвинуться впередъ литературный русскій языкъ послѣ Пушкина; такъ медленно идутъ процессы развитія языка! Проза Гоголя, хотя и пережившаго Пушкина, т. е. болѣе поздняго писателя, чѣмъ Пушкинъ, является совершенно не художественной и, можно сказать, исковерканнымъ русскимъ языкомъ, въ особенности, по своему синтаксису. Слѣдовательно, Гоголемъ руководиться при преподаваніи русскаго языка невозможно. Вотъ цѣль практическая.

Теперь скажемъ о составѣ нашего труда.

Нашъ трудъ долженъ обнять собой *морфологию*, т. е. словоизмѣненіе и словообразованіе, языка Пушкина и его *синтаксисъ*, т. е. словосочетаніе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ этомъ трудѣ предположено обнять весь грамматическій матеріалъ, входящій въ составъ языка Пушкина въ его произведеніяхъ, кромѣ *фонетики*, т. е. ученія о звукахъ, какъ элементахъ слова, и кромѣ *лексикологии*, т. е. словарнаго матеріала. Поэтому нельзя

сказать, чтобы предполагаемая «Грамматика языка Пушкина» была полною, но слѣдуетъ сказать, что въ нее не включены отдѣлы фонетики и словаря не потому, чтобы авторъ предполагаемой грамматики считалъ эти отдѣлы въ какомъ-нибудь отношеніи излишними; напротивъ того, для насъ весьма важно было бы возстановить и *произношеніе* самого Пушкина, какъ произношеніе индивидуальное, имѣющее все право на вниманіе историка языка; важно было бы выяснитъ вопросъ, насколько французское воспитаніе и французскій языкъ повліяли на русское произношеніе великаго поэта, насколько условія тогдашней свѣтской образованности отразились на русскомъ лексиконѣ Пушкина и на его геніи, благодаря которому Пушкинъ могъ являться и являлся *дѣйствительно творцомъ* новыхъ образованій въ русскомъ языкѣ *по аналогіи* и проч., но мы, при сознаніи всей научной важности поставленныхъ выше вопросовъ, а также при важности этихъ вопросовъ для исторіи нашего образованія, къ сожалѣнію, лишены совершенно возможности рѣшить большую ихъ часть, такъ какъ они разрѣшаются изслѣдованіями въ области *фонетики* Пушкинской рѣчи, а сама ея фонетика, какъ научное изложеніе предмета, стоитъ въ зависимости отъ подлинныхъ рукописей Пушкина. Подлинные рукописи Пушкина еще не приготовлены изданіемъ для лингвистическихъ цѣлей; онѣ еще намъ неизвѣстны въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ должны быть извѣстны лингвисту, а, слѣдовательно, до поры до времени вопросы фонетики языка Пушкина еще не могутъ быть предметомъ научной обработки. Кромѣ того, многія рукописи Пушкина сохранились не въ автографахъ самого автора, но въ копіяхъ различныхъ лицъ вплоть до писарей, которые, вѣроятно, переписывали подлинники Пушкина по заказу и не имѣли никакого понятія о томъ, насколько важна автографія рукописи для будущей обработки вопросовъ по фонетикѣ языка извѣстнаго автора. По крайней мѣрѣ, изъ примѣчаній къ I-му тому академическаго изданія сочиненій Пушкина 1899 года, принадлежащихъ перу редактора изданія, академика Л. Н. Майкова, мы узнаемъ, что изъ

136 стихотворений Пушкина, написанных имъ въ періодъ времени отъ 1812 года до 1817 включительно, и вошедшихъ въ I-й томъ изданія подъ названіемъ «Лицейскихъ стихотворений Пушкина» всего 41 стихотвореніе найдено пока въ *подлинныхъ автографахъ поэта*, остальные стихотворенія этой поры дѣятельности Пушкина частью остаются до сихъ поръ неизвѣстными въ рукописяхъ, частью извѣстны по копіямъ разныхъ лицъ. Если и рукописи слѣдующихъ годовъ, послѣ 1817 года, въ такомъ же состояніи, то мы должны напередъ отказаться отъ мысли и желанія воспроизвести когда-либо во всей полнотѣ и точности языкъ самого Пушкина въ его собственномъ произношеніи за неимѣніемъ надежнаго и достаточнаго матеріала, пригоднаго для такой цѣли. Кромѣ того, слѣдуетъ сказать, что новое академическое изданіе сочиненій Пушкина опять повторяетъ собой недостатокъ прежнихъ изданій, именно, въ томъ отношеніи, что новое изданіе не имѣетъ въ виду такъ же, какъ и прежнія изданія, цѣлей *лингвистическихъ*, а только—историко-литературныя. (См. Предисловіе къ I-му тому. Стр. IX). Въ самомъ дѣлѣ, если изъ 136 М.М. всего 41 сохранили намъ подлинную орфографію Пушкина, то слѣдовало бы хотя въ концѣ книги, хотя въ «Приложеніи», издать эти 41 стихотвореніе съ дипломатической точностью, т. е. съ сохраненіемъ всѣхъ мелочей Пушкинской орфографіи: тогда, по крайней мѣрѣ, мы могли бы имѣть хоть что-либо *вѣрное* для сужденій о фонетикѣ языка Пушкина. Въ настоящемъ же изданіи орфографія вообще невыдержана, и нигдѣ не оговорено, кому эта орфографія принадлежитъ: тому-ли, чьей рукой написана рукопись стихотворенія, редактору-ли всего изданія, или кому-либо еще другому. Противъ перваго предположенія говоритъ то, что въ стихотвореніяхъ, написанныхъ разными лицами, не замѣтно различія въ орфографіи, напротивъ, замѣтно стремленіе провести однообразную орфографію, хотя это стремленіе и не осуществилось на пространствѣ всего 1-го тома; противъ втораго предположенія говоритъ, повидимому, то обстоятельство, что замѣчается разнообразная орфографія одного и

того-же слова на разныхъ страницахъ... Напр., къ изданію I-го тома сочиненій Пушкина академикъ Л. Н. Майковъ приложилъ *два снимка* съ автографовъ Пушкина, находящихся нынѣ въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ подъ № 2364: одинъ снимокъ—шестая строфа изъ стих. 1814 г. «Пирующие студенты» (8 строкъ), а другой снимокъ — стих. «Слеза» 1815 года (20 строкъ). Кромѣ того, приложенъ еще снимокъ съ рукописи Пушкина 1814 г. «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» (первыя три строфы и послѣдняя строфа — на двухъ снимкахъ—всего 30 строкъ). Слѣдовательно, всего приложено къ изданію 58 строкъ подлиннаго письма Пушкина. Если мы займемся сличеніемъ орфографіи Пушкина по снимкамъ съ орфографіей печатнаго академическаго изданія соответственныхъ сочиненій и строкъ, принадлежащихъ перу Пушкина, то увидимъ, что академическое изданіе и не имѣло въ виду сохранять орфографію поэта при перепечаткѣ. Такъ, въ рукописи: *которой*—им. ед., а въ изданіи: *который* (стр. 54); въ ркп.: *забавной* — им. ед., а въ изданіи: *забавный*; въ ркп.: *пишешъ*, а въ изд.: *пишешь*; въ ркп.: *тосуюсь*, а въ изд.: *тасуюсь*; въ ркп.: *непроводилъ* (къ стр. 133. Примѣчанія), а въ изд.: *не проводилъ* (стр. 119); въ ркп.: *негоревалъ* (къ стр. 133 Прим.), а въ изд.: *не горевалъ* (стр. 119); въ ркп.: *алеи* (къ стр. 83 текста), а въ изд.: *аллеи* (стр. 83); въ ркп.: *съ тополмъ*, а въ изд.: *съ тополемъ*; въ ркп.: *сель*, а въ изд.: *се ль* (стр. 84). Въ ркп.: *своихъ* (къ стр. 88 текста), а въ изд.: *твоихъ* (sic! Стр. 88); въ ркп.: *времи*, а въ изд.: *взгреми*; въ ркп. *стройной*—им. ед., а въ изд.: *стройный*¹⁾. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ подлинникѣ написаны слова: *Герою*, *Ратникъ*, *Пѣвца* (къ стр. 88 текста) съ большой буквы, между тѣмъ какъ въ изданіи всѣ эти слова здѣсь (стр. 88) напечатаны съ маленькой буквой, такъ какъ это не имѣетъ значенія для фонетики языка (равно какъ и опечатки при изданіи: *честъ*

1) Окончаніе прилагательныхъ—ой у Пушкина обусловливается тогдашнимъ правиломъ правописанія этихъ окончаній согласно ихъ живому произношенію.

вм. *честь*—стр. 88, но лишь тамъ, гдѣ эти опечатки легко могутъ быть исправлены самимъ читателемъ). Изъ этого сличенія ореографіи Пушкина по снимкамъ съ его автографовъ съ ореографіей печатнаго изданія этихъ сочиненій Пушкина ясно видно, что вопросы ореографіи Пушкина не занимали ученаго редактора изданія. Жаль, что уже упущено это дѣло!... Но, какъ бы то ни было, при такомъ положеніи дѣла трудно заниматься вопросами фонетики языка Пушкина. Если мы теперь всмотримся въ нѣсколько примѣровъ ореографіи печатнаго изданія сочиненій Пушкина въ изданіи Академіи, именно, всмотримся въ тѣ стихотворенія, для которыхъ не приложено снимковъ съ рукописей, то увидимъ, что и въ этихъ случаяхъ ореографія печатнаго изданія расходится съ ореографіей общепринятой, оставаясь все-таки непоследовательной, и потому вызываетъ недоумѣнія и не внушаетъ довѣрія. Такъ, напр., кому принадлежитъ правописаніе «*изчезло*» на стр. 32 и друг.? «*Затмившей*»?—на стр. 42. «*Вздохъ глубокой*»—42. Срв. «*изчезли*», «*изчезъ*»—49. «*Повиликой*»—49. На арфѣ *златоструной*»—56. «*Мечтатель юной*»—56. «*Стихъ веселой*»—57. «*Покажись*»—59. 74. 149. «*Козакъ*»—80. «*Коханечка*» и «*коханочка*»—81. «*Затмеваетъ*»—90. «*Крилъ*»—95. 149. 165. 215. «*Тъмись*»—105. 213. «*Крыломъ*»—105. 160. 215. 240. Срв. 95. «*Ужъ*»—109. 111. «*Въ молчаньи*», «*въ сіяньи*»—112. (См. ниже въ нашихъ «Замѣчаніяхъ» къ отдѣльнымъ формамъ склоненія именъ ср. рода, а также и муж. и жен. родовъ). «*Въ комелькѣ*»—115. Если бы сказать, что въ рукописяхъ ради ореографическаго отождествленія римоующихся по звукамъ словъ измѣнялись окончанія прилагательныхъ и причастій, то эти измѣненія во всякомъ случаѣ должны быть оговорены, такъ какъ неизвѣстно, кому они принадлежатъ, между тѣмъ какъ есть полное основаніе думать, что эти измѣненія не принадлежатъ Пушкину и его перу: Пушкинъ римовалъ, какъ видно, слова по созвучію въ произношеніи, но не по сходству ихъ ореографіи, которую онъ и не старался измѣнять для римы. Напр., на стр. 117 читаемъ

«И свѣтлой Ипокреной
Съ издѣтства напоенный».

Срв. съ этимъ вышеприведенные примѣры со стр. 56. Злато-струной и юной и мн. др. Срв. на стр. 120: «воспаленной». «Ужасной»—123. «Иривой»—124. Срв. 140. 150. 151. 154. 159 и др. Срв. «казакомъ»—131 и «козакъ»—80. «Закрученный», «окропленный», «лихова»—172. Это стих. «Усы», вѣроятно, по подлинному автографу Пушкина въ отношеніи *ореографіи*? «Осьмнадцатой»—201, «разный»—201. «Когда жъ»—217. (У Пушкина?). «Близъ»—221. (Тоже?) «Межъ»—236 bis—237. (Это уже не по Пушкинскому автографу?! Чья-же это *ореографія*?). Срв. 239—«ужъ»—240.

«Дактиль»—252. (Пушкинскій автографъ? Срв. у Пушкина, на снимкѣ съ ркп., принадлежавшей Я. К. Гроту: къ стр. 83 текста: «Восп. въ Царскомъ Селѣ»—1814 г. «съ тополонъ» съ ясно написаннымъ о послѣ л). «Ужъ»—269. «Межъ»—283. 285. «Ужъ»—284. 294. «Съ разкованной душой»—285. Изъ «Примѣчаній», въ которыхъ на стр. 399 встрѣчаемъ написаніе: «съ *разширеніемъ* дружескихъ связей»...., мы можемъ догадываться, что такая *ореографія* предлоговъ—префиксовъ *раз*, *из* и проч. принадлежитъ ученому редактору—академику Л. Н. Майкову, но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы опять это оговорить въ изданіи, именно, что оно будетъ держаться и въ текстѣ примѣчаній, и въ стихотвореніяхъ Пушкина особой отъ общепринятой (Гротовской?) *ореографіи*, а по отношенію къ стихотвореніямъ Пушкина слѣдуетъ замѣтить, что никакой подобности не было въ особой *ореографіи*, и нужно было сохранить *ореографію* самого Пушкина во всѣхъ его сочиненіяхъ, гдѣ только это оказывается возможнымъ, помѣстивъ хотя бы въ «Приложеніи» подлинныя написанія поэта. На стр. 405 «Примѣчаній» въ выдержкахъ изъ сочиненій кн. П. А. Вяземскаго мы уже опять читаемъ «*расшивели*» съ префиксомъ *рас*. Можетъ быть, это правописаніе кн. Вяземскаго или его издателей? Но зачѣмъ въ стих. Пушкина всдѣ въ подобныхъ случаяхъ напечатано з? (См. примѣры выше).

Чье же *тамъ* правописание это? Срв. на стр. 408 «*изчеркалъ*» — правописание Л. Н. Майкова?

Всѣ эти указанія на ореографію новаго изданія (академическаго) сочиненій Пушкина мы сдѣлали единственно съ тою цѣлью, чтобы представить положеніе дѣла относительно ореографіи рукописей самого Пушкина и объяснить то обстоятельство, почему при такомъ положеніи дѣла немислимо пока составить полную фонетику языка нашего великаго поэта. Кромѣ того, мы питаемъ надежду, что наши замѣчанія относительно ореографіи новыхъ изданій сочиненій Пушкина, можетъ быть, окажутся небезполезными при дальнѣйшемъ веденіи дѣла изданія и будутъ приняты издателями, которые обратятъ вниманіе не только на историко-литературныя цѣли при изданіи, но и на цѣли лингвистическія. Считаемъ долгомъ сказать, что *въ тѣхъ случаяхъ*, гдѣ оказывалась возможность безъ всякихъ натяжекъ приписать произношенію Пушкина ту или другую особенность, или гдѣ фонетика его языка выступала сама собою безъ справокъ съ подлинными рукописями, тамъ мы не избѣгали и впредь не будемъ избѣгать дѣлать свои замѣчанія и заключенія объ этой сторонѣ рѣчи Пушкина. Но такихъ случаевъ, естественно, пока можетъ представиться немного. (См. наше «Введеніе». Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина). Такъ, напр., читатель нашей «Грамматики» найдетъ въ отдѣлѣ именъ существительныхъ «Замѣчанія» наши по поводу отдѣльных падежныхъ формъ и окончаній, встрѣчающихся у Пушкина въ склоненіи именъ существительныхъ. Но, кромѣ этихъ «Замѣчаній», помѣщаемыхъ ниже послѣ каждаго изъ склоненій (склоненія именъ съ окончаніями муж. рода, склоненія именъ съ окончаніями женск. рода и склоненія именъ съ окончаніями средн. рода, а равно—склоненія именъ, употребляющихся только во множ. числѣ всѣхъ трехъ родовъ и склоненія неправильнаго), мы отводимъ особый отдѣлъ (Введеніе) *обозрѣнію тѣхъ данныхъ, которыя, по нашему мнѣнію, приводятъ къ заключенію о нѣкоторыхъ особенностяхъ произношенія Пушкина*: все равно, будетъ-ли то особенностью обычной

рѣчи Пушкина, или только — особенностью его стихотворной рѣчи; наконецъ, будетъ-ли то особенностью произношенія поэта въ молодые годы его литературной дѣятельности, когда его рѣчь не достигла еще той степени совершенства и, можно сказать, виртуозности, до которой она доходитъ въ зрѣлую пору его жизни и авторства, или — особенностью рѣчи Пушкина на про странствѣ всего періода его литературной дѣятельности.

При этомъ составитель предлагаемой «Грамматики» считаетъ необходимымъ здѣсь же, въ Предисловіи, опредѣлить возможно точнѣе свой взглядъ, который у него сложился при занятіяхъ языкомъ Пушкина, на языкъ нашего великаго поэта. Дѣло въ томъ, что языкъ Пушкина содержитъ въ себѣ данныя, позволяющія составителю Грамматики этого языка сдѣлать слѣдующія выводы: 1) языкъ Пушкина въ первую пору его литературной дѣятельности не отличается *существенно* отъ языка современныхъ его молодости писателей: этотъ языкъ какъ-бы сливается съ языкомъ образованнаго общества того времени (приблизительно до 1818 года) и остается на той-же степени своего литературнаго развитія, на которой мы видимъ языкъ Державина, Жуковского и Батюшкова; въ немъ есть и слѣды Ломоносовскихъ трудовъ. Это — языкъ русской образованной среды, прошедшей школу французскаго обученія, языкъ, который носитъ на себѣ, съ одной стороны, слѣды французскаго произношенія и французскаго словопроизводства (см. ниже: Введеніе. Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина); въ этомъ отношеніи Пушкину, какъ и другимъ образованнымъ людямъ пачала XIX столѣтія, приходилось *устанавливать* обыденную русскую рѣчь для письменнаго и устнаго изложенія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно было говорить и писать *по-русски*, а не по-французски; приходилось «ламинировать», чтобы «не удариться въ подлость», пока Пушкинъ самъ не погрузился къ чести русскаго языка въ эту «подлость», проникши своимъ гениемъ въ ея сущность. Съ другой стороны, языкъ этого періода дѣятельности Пушкина носитъ на себѣ слѣды той работы надъ русскимъ лите-

ратурнымъ языкомъ, которая принадлежала Ломоносову, Державину, Батюшкову и Жуковскому. Вотъ почему мы найдемъ и искаженное на книжный ладъ (церковно-славянскій) произношеніе ударяемаго *е* передъ твердымъ согласнымъ и многія цсл. слова въ рѣчи Пушкина этого времени.

2) Языкъ Пушкина приблизительно съ 1818 года становится языкомъ эманципированнымъ отъ элементовъ русской рѣчи «классиковъ». Пушкинъ проникаетъ глубже и глубже въ лексику, морфологию и синтаксисъ русской народной рѣчи, и изъ всего прежняго балласта на долю языка поэзіи русской остаются лишь тѣ цсл. слова, которыя съ этихъ поръ, въ отличіе отъ чисто-русскихъ, служатъ принадлежностью *поэтической* рѣчи. Синтаксисъ-же идетъ по пути національнаго развитія и сближенія съ рѣчью чисто-русскаго человѣка значительно быстрѣ лексики и морфологии.

Вотъ эти два вывода опредѣляютъ собой и то, чѣмъ языкъ Пушкина отличается отъ языка его предшественниковъ, и то, въ чемъ языкъ Пушкина представляется устарѣвшимъ, и, наконецъ, то, насколько языкъ Пушкина представляетъ собой движеніе впередъ и насколько онъ отошелъ отъ языка XVIII столѣтія. Всѣ эти результаты изученія языка Пушкина могутъ быть *фактически* провѣрены на данныхъ, собранныхъ нами во Введеніи, и представлены нами въ самой «Грамматикѣ» языка Пушкина, въ таблицахъ склоненій и спряженій, а также въ синтаксисѣ его языка.

Мы посвятили довольно много мѣста въ своемъ Предисловіи вопросу о положеніи дѣла относительно фонетики языка Пушкина и вопросу о данныхъ для сужденія о его произношеніи. Вообще надо замѣтить, что русское произношеніе въ устахъ нашей интеллигенціи прошлаго, XVIII-го столѣтія, и начала XIX-го заслуживаетъ особеннаго изученія въ интересахъ исторіи русскаго литературнаго языка и, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ много интереснаго какъ по своему историческому значенію для освѣщенія подробностей нашего современнаго языка русской литера-